

На правах рукописи

Приёмшева Марина Николаевна

ТАЙНЫЕ И УСЛОВНЫЕ ЯЗЫКИ В РОССИИ XIX В.:

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2009

Диссертация выполнена в словарном отделе Института лингвистических исследований Российской академии наук

**Официальные
оппоненты:**

доктор филологических наук
профессор
Надежда Евгеньевна Сулименко

доктор филологических наук
профессор
Михаил Александрович Грачёв

доктор филологических наук
профессор
Валерий Михайлович Мокиенко

Ведущая организация:

Московский государственный областной университет

Защита состоится 18 декабря 2009 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.055.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9., конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

Автореферат разослан « » ноября 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
д.ф.н.

В. В. Казаковская

Диссертация посвящена исследованию тайных языков России XIX в. В работе рассматриваются источники, фиксирующие лексику русского тайноречия, дается характеристика русских арго с социальной и лингвистической точек зрения, анализируется лексика основных условных языков, определяется зона лексического взаимодействия условных языков с другими подсистемами национального языка.

Объектом исследования послужила лексика тайных языков, зафиксированная в источниках XIX в. **Предметом исследования** является историко-лингвистическое рассмотрение лексических систем русских тайных языков, употреблявшихся на территории России XIX в.

Актуальность исследования определяется необходимостью 1) изучения малоизвестного, лексически недостаточно репрезентативного объекта, занимающего определенное место в социолингвистической парадигме XIX в., в языковой ситуации XIX в., для формирования объективной картины изучения истории русского национального языка, 2) систематизации и обобщения собранных данных по тайным языкам XIX в. для создания исторической перспективы лексикологических и социально-диалектологических исследований; 3) создания единой концепции русского тайноречия с целью определения его места в истории русского языка и русской лексикологии; 4) хронологической и историко-лексикологической дифференциации материалов XIX в. в общем фонде изучаемых русских профессиональных (В. Д. Бондалетов) и воровских арго (М. А. Грачев), позволяющей как выявление их историко-лингвистических особенностей, так и изучение исторической динамики этих систем в отдельности, 5) необходимостью отграничения этой лексики от других форм национального языка в «Словаре русского языка XIX в.» (ИЛИ РАН).

Цель работы – исследовать тайные языки как факт языковой действительности XIX в., определить степень их взаимодействия с социально и функционально близкими лексическими подсистемами, а также выявить их роль и значение в истории русского национального языка.

Указанная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить границы объекта среди других форм социальных диалектов и критерии его выделения,
- 2) проанализировать источники с фактическими данными по русским тайным и условным языкам, выявить традиции их изучения,
- 3) дать общую социальную и лингвистическую характеристику русских тайных языков XIX в.,
- 4) проанализировать материалы зафиксированных условных языков,

5) определить зоны лексического взаимодействия условных языков с другими подсистемами национального языка XIX в., а также механизмы этого взаимодействия.

Материалом исследования послужили около 350 этнографических, публицистических, ведомственных и собственно лексикографических источников по тайным и условным языкам, созданных и опубликованных в 1780–1910-е годы на территории Российской Империи (включая территории современных Украины, Белоруссии, отчасти Польши). Анализ конкретного материала 48 условных языков торговцев, ремесленников и нищих осуществлялся на базе 77 словников (более 11500 лексических единиц); раннего воровского аргю петербургских воров – на материале 5 словников (более 600 лексических единиц). Широко использованы и введены в научный оборот материалы архивных рукописных лексикографических источников, находящихся преимущественно в архивах РАН. Составлена компьютерная база данных всей зафиксированной в XIX в. лексики русских аргю.

Методы исследования. В исследовании применялись сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы, а также методы дистрибутивного и источниковедческого анализа, в совокупности позволяющие провести описание большого лексического фонда русских аргю и определить степень их взаимодействия с другими подсистемами национального языка. Социально-психологическая и социально-историческая детерминированность объекта потребовала использования теоретических исследований по социальной психологии и социальной истории России, а также по этнологии и этнографии.

Научная новизна. В исследовании впервые

1) обобщены разрозненные толкования тайных языков, сведения по ряду социальных диалектов, выполняющих социально-символическую функцию, и предложена единая концепция русского тайноречия в теоретическом и историко-лингвистическом аспектах; конституирующие свойства тайных языков как лингвистического объекта определены с учётом социально-психологических, социально-исторических факторов; уточнены теоретические границы объекта, сам объект системно противопоставлен близким по функциональной сфере объектам: корпоративным жаргонам и профессиональному просторечию;

2) систематизированы традиции собирательства, описания и изучения тайных и условных языков в России XIX в.; уточнено авторство некоторых источников, в ряде случаев обнаружена их неаутентичность; введен в научный оборот ряд новых источников;

3) материал рассмотрен в исторической перспективе; предложена классификация русских тайных языков;

4) систематизирован малоизвестный и неизвестный лексический материал русских аргос XIX в. в аспекте характеристики отдельных языков с целью создания целостной картины по русскому тайноречию XIX в.;

5) выявлены конкретные факты взаимодействия лексики условных языков с другими подсистемами национального языка XIX в.

Теоретическая значимость. Работа вносит вклад в теорию социолингвистики, в разработку ряда вопросов исторической лексикологии, истории русского языка, русской диалектологии, а также проблем методологии исследования социальных диалектов, расширяя некоторые сложившиеся традиции их изучения.

Практическая значимость. Результаты исследования имеют значение для исторической лексикологии и лексикографии, диалектологии и диалектной лексикографии, а также для истории русского языка. Они могут быть использованы в исследованиях по фонетической семантике, этнолингвистике, лингвофольклористике, постфольклору, этнографии, этнологии, культурологии. Результаты работы также можно применять как справочный материал при составлении «Словаря русского языка XIX в.», диалектных словарей, словарей жаргонов; при разработке теории и классификаций социальных диалектов, вопросов их терминологической идентификации; для этимологических исследований диалектной лексики. Материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания истории русского языка, диалектологии, этнолингвистики и социальной лингвистики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Тайные языки – условное наименование специфических лексических систем, используемых рядом социальных групп в определенных социально-экономических условиях. Важнейшим параметром характеристики социальной группы, способствующим возникновению аргос, являются ее референтные установки: стремление группы к сохранению корпоративных традиций и социального престижа.

2. Тайные языки только условно можно считать тайными: доминирующими функциями тайноречия оказываются социально-символическая (в интегративной, дифференцирующей и репрезентативной подфункциях) и игровая (поэтическая).

3. Тайными языками традиционно считаются не только социально-детерминированные лексические подсистемы, но и системы механистических моделей шифрования, идентичные в целом ряде этнических культур и в детских тайных языках, что позволяет дифференцировать тайноречие. Под тайными языками в широком смысле в исследовании понимаются различные системы языковой игры, которые отчасти можно рассматривать как специфический жанр устного народного творчества, под тайными языками в

узком смысле – социально-детерминированные формы речи, собственно условные языки, арго.

4. Тайные языки – существенный фрагмент языковой ситуации в России XIX в., свидетельством популяризации которых в этот период оказывается значительное количество письменных источников, фиксирующих их данные.

5. Социальный статус арготирующих в XIX в. разнообразен и не является «низким»: носителями тайных языков оказываются преимущественно представители мещанства и крестьянства.

6. Лингвистическая классификация тайных языков основывается на самом существенном их свойстве – «форме» языкового знака.

7. Тайные языки представителей отхожих промыслов (торговцев, ремесленников, нищих) на территории всей Российской Империи (в том числе на территориях современных Украины, Белоруссии) обладают значительной лексической общностью. Каждый условный язык, независимо от объема словника, обязательно состоит из лексических единиц трех типов: а) слов, фонетических или словообразовательных вариантов лексики офенского языка, б) слов, фонетических или словообразовательных вариантов лексики других условных языков, в) оригинальной лексики.

8. В совокупности русские условные языки образуют ряд попеременно пересекающихся лексических совпадений, однако часть из них позволяет говорить о доминировании трех различных традиций их пополнения: офенской, «угличско-кашинской» и «белорусской».

9. Наибольшее влияние на другие социальные диалекты на протяжении XIX в. имели торговые аргы, среди которых значительную роль играл офенский язык, тогда как русское воровское аргы в данный период существенно уступало ему по распространенности.

10. В формировании воровского аргы XIX в. выделяются две самостоятельные традиции: аргы столичных воров (40–70-е гг.) и аргы воров южной России (70–90-е гг.). Формирование воровского и тюремного жаргона в конце XIX-начале XX в. происходит на базе южнорусского воровского аргы.

11. Характер взаимодействия лексики условных языков торговцев, ремесленников и нищих с другими подсистемами национального языка (воровское аргы, бурсацкий жаргон, просторечие) позволяет говорить, что основным его механизмом, помимо территориального, была языковая мода.

Апробация работы осуществлялась в форме докладов и сообщений на более чем 30 международных, всероссийских научных, практических конференциях, круглых столах, семинарах в Санкт-Петербурге (2006 – 2009), Иваново (2007), Кокшетау (Казахстан) (2007, 2008), Вологде (2008), Петрозаводске (2008), Орле (2008), Нижнем Новгороде (2007, 2009), Пензе (2008), конгрессе исследователей русского языка в Москве (2007), на

заседаниях словарного отдела ИЛИ РАН (2006 – 2009). Основные положения и результаты исследования изложены в 41 публикации общим объемом 66,1 п.л., включая монографию (46 п. л.), статьи в периодических изданиях: «Ученые записки Орловского государственного университета», «Вестник Кокшетауского государственного университета», «Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen» (Германия). 11 статей опубликовано в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК: «Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН», «Известия РГПУ им. А. И. Герцена», «Филологические науки», «Русский язык в школе», «Русская речь».

Объем и структура работы. Диссертация объемом 478 с. состоит из Введения, пяти глав, Заключения, а также Приложения (517 с.). Библиография включает 867 наименований, в том числе 54 на иностранных языках.

Во **Введении** обосновываются предмет и объект исследования, его актуальность и новизна, цели, задачи, теоретическая и практическая значимость.

История русского языка много десятилетий традиционно изучается преимущественно в аспекте проблем формирования русского литературного языка. Однако в европейской лингвистике уже с середины XIX в. рассмотрение нелитературных языковых фактов, таких как арго, жаргоны, специальные языки и пр., обязательно включалось в общую парадигму проблем развития национального языка (А. Pott, Fr. Kluge, A. Dauzat, А. Бах и др.).

Малоисследованной в истории русского национального языка, особенно в истории русского языка XIX в., оказывается одна из групп социальных диалектов, отличительный фрагмент языковой ситуации XIX в. – тайные языки. Тайные языки – условное традиционное обобщенное название для особых лексических систем, для особых языковых кодов, которые использовались представителями ряда социальных групп в контексте особых социально-исторических и экономических условий с целью демонстрации социального престижа группы, с целью языкового пароля, идентификации между ее членами, с целью дифференциации среди других социальных групп, что часто называют эзотерической (В. Д. Бондалетов), конспиративной (М. А. Грачёв), криптофорной (В. А. Саляев), криптолалической (О. С. Ахманова) функцией.

Тайные языки как лингвистические объекты редко привлекают внимание ученых по целому ряду причин. Лексика тайных (условных) языков, как правило, представляет собой герметичную парадигму, часто состоящую из искусственных элементов, имеющую социально-ограниченную сферу распространения и мало влияющую на общенародный язык, обнаружение

которой также представляет известные трудности: материал по тайным языкам требует целенаправленного поиска. Тайные языки противопоставлены по совокупности выполняемых функций различным формам устной речи и являются, таким образом, языковыми подсистемами, оппозиционными общей системе национального языка, изучение которых требует только целостного системного подхода и не может быть эпизодическим.

Следует выделить две традиции появления, функционирования и, как следствие, изучения различных форм тайноречия. Тайные языки являются особой языковой формой у ряда народов, находящихся на стадии родоплеменных отношений или сохраняющих их: например, тайные языки фиксируются у папуасов Новой Гвинеи (А. А. Леонтьев), у осетинских, адыгских охотников, наездников (Б. Х. Бгажноков, Ю. Ю. Карпов, С. Х. Мафедзев) и др. Другая традиция возникновения тайных языков связана с развитием промышленного капитализма, феодальных отношений в экономически развивающихся государствах, с ростом городов и ростом асоциализации общества, что нашло отражение в многочисленных исследованиях по воровским языкам Германии, Франции, Польши (А. Pott, Fr. Avé-Lallement, Fr. Kluge, L. Sainéan, A. Dauzat, K. Estreicher, A. Kurka, A. Landau, H. Ułaszyn и др.), а также в работах, посвященных языкам торговцев, ремесленников различных стран (Н. Пантусов, А. Л. Хромов, J. Wolff, W. Budziszewska, С. Ireček и др.).

Интерес к русским тайным языкам, особенно к условным языкам торговцев, ремесленников, раннему воровскому аргю, имеет двухвековую научную традицию. Следует отметить попытки лингвистов XIX–начала XX в. ввести в научный оборот данные офенского языка (И. И. Срезневский, В. И. Даль, В. И. Чернышев), материалы других профессиональных языков (В. И. Даль, В. Н. Добровольский, П. В. Шейн, В. И. Чернышев). Материалы по русским условным языкам вызывали интерес у зарубежных ученых (L. Diefenbach, Fr. Mishel, R. Grasserie, J. Mägiste). Определенное внимание было уделено лексике русских условных языков с точки зрения ее происхождения (L. Diefenbach, М. Фасмер). Теоретический обобщающий анализ преимущественно восточнославянского тайноречия дал впервые И. В. Ягич¹. Данные об условных языках использовались в исследованиях по социальной лингвистике и социальной диалектологии в 20–30-е гг. XX в. (В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачев, Р. О. Шор, В. Стратен и др.). С 50–60-х гг. XX в. в контексте развития территориальной диалектологии возрождается интерес к русским условным языкам торговцев и ремесленников (В. Д. Бондалетов, Д. И. Алексеев, Л. И. Скворцов, А. Н. Попов, Н. В. Попова, Э. А. Якубинская-Лемберг и др.), к украинским (В. Д. Бондалетов, О. Горбач,

¹ *Jagič V. Die Geheimsprachen bei den Slaven // Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-Historische Klasse. Bd. CXXXIII. – Wien, 1895.*

Й. О. Дзедзелевский), белорусским арг (В. Д. Бондалетов), и материалы XIX в. закономерно попадают в поле зрения ученых.

Системно лексика условных языков в русистике была исследована в рамках территориальной (В. Д. Бондалетов¹) и социальной диалектологии (М. А. Грачёв), а условно-профессиональные языки, воровское арг охарактеризованы как особые формы социальных диалектов, имеющие только им свойственные функции, систему словообразования, семантические и номинативные особенности. Как факт истории русского национального языка тайные языки не являлись объектом научного интереса.

В первой главе исследования «**Тайные и условные языки как объект лингвистического исследования**» анализируется терминология, используемая в отношении к данному объекту, обобщаются его теоретические свойства, дается системная характеристика, предлагается единая концепция, объединяющая различные его интерпретации, выявляются дифференциальные особенности по сравнению с близкими по классификациям типами социальных диалектов.

Тайные языки фиксируются не в каждой социальной группе, следовательно, существенным параметром их характеристики оказываются социально-психологические свойства группы их носителей. Для возникновения тайного языка необходимо несколько социально-психологических условий, к которым относится тип социальной группы (большие, условно организованные, относительно закрытые, референтные группы)², особая групповая этика, групповой престиж, идеологически выделяющий данную группу из остальных и из общества в целом (Т. Шибутани, Г. М. Андреева). Именно групповой этикой диктуется необходимость демонстрация социального статуса через вербальное, намеренное (акцентированное и стилизованное), прямое и основное его выражение (В. Карасик).

Для популяризации и широкого функционирования тайных языков в России XIX в. важными оказываются особые социально-исторические и экономические условия. Экономическое развитие (переход к капиталистическим формам производства), жесткое социальное расслоение, неравномерность развития экономических зон, различная населенность регионов, а

¹ См.: Библиографический указатель по русистике, славистике, лингвистике: профессор Василий Данилович Бондалетов / Отв. ред. Е. С. Скобликова. – Пенза, 2003. То же с дополнениями: Библиография научных работ профессора В. Д. Бондалетова // Наше слово. К 80-летию профессора В. Д. Бондалетова. – М., 2009. С. 319–379. Из почти 600 работ ученого более 150 посвящены проблемам исследования восточнославянских арг.

² Классификации социальных групп представлены в источниках по теории социальной психологии (В. И. Добреньков, Е. М. Дубовская, М. Ю. Кондратьев, А. И. Кравченко, Р. Л. Кричевский и др.).

также сложный этнический и религиозный состав способствовали возникновению, а в определенный период расцвету отхожих промыслов, появлению в городах (особенно в столицах) организованных асоциальных групп, расцвету сектантства и т. п. Социальный статус представителей социальных групп, использующих арго, в целом разнообразен: помимо крестьянства, обедневшего крестьянства, пролетариата, социальной базой русского тайноречия было и мещанство (торговцы).

Принципиальным критерием идентификации тайных языков по сравнению с другими типами социальных диалектов является иерархия выполняемых ими функций. Доминирование игровой языковой формы над содержанием высказывания в прагматике тайноречия позволяет утверждать, что коммуникативная и номинативная функции не являются для него основными, что на первый план среди различных коммуникативных функций (В. А. Аврорин, Делл Х. Хаймс, Л. Б. Никольский, Н. Мечковская, ПЛК, А. Д. Швейцер, Р. О. Якобсон и др.), выступают социально-символическая (К. А. Абульханова-Славская, Е. Я. Басин, В. М. Краснов, Б. Л. Бойко, Е. Ф. Тарасов, Л. С. Школьник), включающая репрезентативную, интегрирующую, дифференцирующую подфункции, и поэтическая (Р. О. Якобсон), или игровая, людическая (Э. В. Береговская). Наличие собственно эзотерической («криптофорной», «конспиративной», «криптолалической» и т. п.) функции вызывает сомнение: представление о последней возникает в результате доминирования социально-символической и игровой функций.

Лингвистически тайные языки представляют собой особые лексические системы, состоящие из однотипных элементов. Важно подчеркнуть, что в немецком *Rotwelsch*, *Gaunersprache* (А. Pott, Fr. Kluge и др.), французском арго (Fr. Mishel, R. Grasserie, A. Dauzat и др.), в целом ряде тайных языков Англии, Австралии, Японии, Китая, Вьетнама, Судана и др. (D. Lausock), в языках иранских ювелиров, осетинских охотников, молодежных, «девичьих» языках некоторых народов Кавказа (Ю. Ю. Карпов), детских тайных языках (Г. Виноградов, E. Crotti, A. Magni) используются одни и те же способы затаенния, сокрытия внутренней формы слова: а) добавление особого форманта к слову (между различными частями слова, в конце слова), б) субституция первого слога и особого форманта, в) перестановка слогов и др. Отличия заключаются только в фонетическом составе формантов. Целый ряд единиц в большинстве тайных языков представляет собой лексику, образованную на базе немотивированных (наиболее часто – заимствованных) в данном языке основ. Если содержательно для семиотики тайноречия свойственно «остранение» (И. И. Ревзин), то формально-лингвистическим облигаторным его принципом оказывается «отстранение»: все способы маскировки внутренней формы

арготического слова «отдаляют» последнее от лексической системы базового языка.

Дифференциальным свойством тайных, условных языков оказывается функционирование их как знаковой системы, в которой форма используемых словесных знаков принципиально имеет дополнительную, социально-символическую, нагрузку. Это наблюдение позволило рассмотреть тайные языки как особые семиотической системы, принципиально оппозиционные и литературному языку, и территориальным диалектам. Как особая семиотическая система тайный язык не является системой развивающейся: основной формой сохранения системы является стабильность (статика) его элементов, динамика заключается в их варьировании, что ведет традиционно к их исчезновению или растворению в других языковых подсистемах. Особенно показательна для определения дифференцирующих свойств объекта проблема перевода тайного языка (в нашем случае, на русской основе) на другие языки. Перевод – это трансляция между двумя языковыми системами. Так как тайный язык является особой (третьей) знаковой системой, то возникает неразрешимое противоречие ее адекватного принципиального перевода: тайные языки на базе какого-либо одного языка – непереводимые системы на другие языки, что, однако, позволяет использовать косвенные способы их перевода (М. И. Баландина, В. Д. Бондалетов, С. Влахов, Я. И. Рецкер, С. Флорин и др.).

По рассмотренным выше параметрам оказалось возможным выявить дифференциальные отличия тайных языков от ближайших к ним по «нелитературной» зоне социальных диалектов, представленных в целом ряде типологий (В. Д. Бондалетов, Б. А. Серебренников, Э. Г. Туманян и др.).

	<i>Тайные (условные) языки; арго</i>	<i>Корпоративные жаргоны</i>	<i>Профессиональная речь (профессиональное просторечие)</i>
Тип социальных групп	Большие (малые) Организованные (условно организованные) Устойчивые Закрытые (относительно закрытые) Референтные	Малые (большие) Условно организованные Устойчивые/ситуативные Открытые (относительно закрытые) Группы членства (референтные)	Малые Неорганизованные Устойчивые/ситуативные Открытые Группы членства
Выражение социального статуса	Вербальное Намеренное Прямое Основное	Вербальное Намеренное Косвенное Дополнительное	Вербальное Ненамеренное Косвенное Дополнительное
Иерархия выполняемых	1. Социально-символическая	1. Коммуникативная 2. Эмоционально-	1. Коммуникативная, 2. Эмоционально-

функций	(репрезентативная, интегрирующая, дифференцирующая подфункции) 2. Игровая («людическая», «поэтическая», метафункция) 3. Собственно коммуникативная 4. Прочие функции, обусловленные содержанием высказывания, в том числе и экспрессивная	экспрессивная 3. Игровая («людическая», «поэтическая», метафункция) 4. Социально-символическая (только в интегрирующей подфункции)	экспрессивная, 3. Прочие функции, обусловленные содержанием высказывания
Структурная организация лексической системы	Фактическое существование как системы элементов (парадигма) Функционирование преимущественно синтагматическое (возможно эпизодическое ввиду недостаточности лексических средств)	Гипотетическое существование системы Фактическое существование отдельных элементов Преимущественно эпизодическое функционирование (возможно синтагматическое ввиду наличия необходимых для высказывания языковых средств)	Несистемная структура наименований отдельных элементов Эпизодическое их использование
Лингвистические особенности	Намеренное использование нетрадиционных для базовой языковой системы элементов: устойчивых моделей, механизмов, преимущественно отсутствующих в обычном языке (как в отношении к форме, так и к содержанию языкового знака)	Традиционное, но необязательное использование различных, традиционных для языковой системы механизмов (обычно в отношении к содержанию языкового знака)	Необязательное использование традиционных для языковой системы механизмов (обычно в отношении к содержанию языкового знака)
Возможность перевода на другие языки	Принципиально неперебиваемые системы (возможность нетранслитерированной передачи, других способов литературного перевода)	Лексика может быть переведена через просторечный эквивалент	Лексика может быть переведена через просторечный, разговорный эквивалент

Тайные языки – это не только социально-символические лексические системы, это, одновременно, и одна из форм народной *языковой игры*, одна из специфических форм устного народного творчества (R. Grasserie, С. Е. Никитина). Преемственность некоторых форм тайноречия от одной этнической культуры к другой, позволяют предположить, что сам принцип

использования особых языковых кодов является *традиционной* формой народной языковой игры. Тайные языки имеют устную форму бытования, передаются и сохраняются путем устной традиции, анонимны по своему происхождению. Функционирование тайных языков так же, как и других форм фольклора мотивировано концептуальными категориями коллективного языкового сознания и коллективной языковой личности. В пользу такого утверждения говорят первые фиксации ранних форм русского воровского арга пословично-прибауточного генезиса, обязательное наличие у всех социальных групп, носителей тайных языков, самобытных произведений других фольклорных жанров – песен, сказок, пословиц и др.: тайные языки оказываются обязательным элементом в парадигме устного народного творчества каждой социальной группы и никогда – единственной формой творчества данной социальной группы. Тенденции, связанные с развитием фольклора (изменение фольклорной парадигмы) также свойственны и тайным языкам. Раннее воровское арго органично продолжает традицию «смеховой» антикультуры Московской Руси, что позволяет его генезис тесно связывать с общей скоморошьей культурой (Д. С. Лихачев).

Таким образом, тайные языки – языковая сфера, относящаяся к самой нижней ступени социально-диалектологических классификаций, но не ограниченная ими: тайные языки занимают пограничное положение между социальной диалектологией и фольклором. К *тайным языкам* традиционно относятся как факты социально-детерминированных форм речи, особая группа социальных диалектов, которую чаще называют *условными языками (арго)*, так и речевые факты фольклорного генезиса (языки-табу первобытных народов, детские тайные языки и т. п.), объединяющиеся по использованию особых механизмов языкового кодирования, а также по доминированию социально-символической и игровой функций над остальными коммуникативными функциями (при учете доминирования первой в социально-детерминированных формах речи и второй – в фольклорных).

Как конкретно-историческое явление тайные языки являются частью языковой ситуации в России XIX в., частью общей истории русского национального языка, наличие и популярность которых практически не имеют аналогов в последующий период в России. Последнее наблюдение определило направление дальнейшего исследования. Ввиду ретроспективного изучения малоизвестных и неизвестных данных *устной речи*, к которой относятся тайные языки, очевидно, что оно оказывается объективно ограниченным объемом собранного фактического материала, зафиксированного в письменных источниках исследуемого периода.

Вторая глава исследования «**Тайные и условные языки в истории письменной культуры XIX в.**» посвящена обзору письменных источников XIX в. на предмет упоминания в них или фиксации материалов тайных языков, что представляется необходимым как с точки зрения истории вопроса их изучения, так и с точки зрения освещения историко-культурного значения тайноречия в России.

По данным письменных источников XIX в. выявляется несколько направлений, благодаря которым данные преимущественно условных языков становились предметом филологического или этнографического интереса: этнографические источники, научная (лингвистическая) литература, собственно лексикографические источники, художественная, художественно-публицистическая и мемуарная литература.

Наибольшее количество фактического лингвистического материала по условным языкам представлено в этнографической литературе XIX в. Собранный материал дает возможность создать его достаточно системную целостную картину. Подлежащим обобщению оказывается количественная иерархия материала, география, хронология источников, а также общность некоторых однотипных проблем, возникающих при описании быта и традиций групп и их условных языков.

Все обнаруженные рукописные и этнографические источники дают следующую социально-лингвистическую его статистику: языки торговцев (40 словников с данными 14 языков), языки ремесленников (19 словников с данными 18 языков), языки нищих (16 словников с данными 16 языков), языки петербургских воров (3), одесских (1). По зафиксированным данным языков ремесленников XIX в. определяется ограниченный ряд профессий: портные, шерстобиты/шаповалы, коновалы, глинотопы, стекольщики. Единичными оказываются данные языков странствующих музыкантов юга России, тверских бочаров. Центральной зоной распространения языков торговцев оказывается Поволжье (Владимирская, Костромская, Ярославская губернии), также близкие к ним Тверская, Псковская и Тульская губернии. Очевидно наличие следующих центров торговли, представители которой использовали условные языки: Галич, Нерехта; Углич; Бежецк, Кашин, Калязин; Торопец; Одоев. Центральной зоной распространения отхожего промышленного промысла оказывается ряд центральных и юго-западных регионов: Калужская, Нижегородская, Смоленская губернии, частично Черниговская и Могилёвская губернии. Большинство языков нищих представлено данными по белорусским и украинским губерниям, и лишь несколько фиксаций обнаружено по языкам русских нищих Рязанской, Тульской, Орловской губерний. Несмотря на минимальное количество данных по воровским языкам XIX в., обусловленной

социально-исторически оказывается география их актуализации: Петербург (1840–1870-е гг.), Одесса (1880–1890-е гг.).

В конце XIX века этнографическая традиция описания условных языков постепенно уступает место лингвистической, которая начала формироваться еще в 40-е гг. XIX в. Научное изучение условных языков в XIX в. можно разделить на два этапа: предварительный, собирательский период (И. И. Срезневский, В. И. Даль, П. В. Шейн, В. Н. Добровольский) в конце XIX в. постепенно сменяется аналитическим (И. В. Ягич).

И. И. Срезневский несколько раз обращался к проблемам генезиса офенского языка в работах «Афинский (sic!) язык в России» (1839), «Мысли о русском языке» (1849), к проблеме необходимости изучения галивонского языка в статье «Частные вопросы о местных видоизменениях русского языка» (1852), однако затруднялся *однозначно* определить их лингвистический статус. Доказательством научного интереса ученого к офенскому языку являются собранные им русско-офенский и офенско-русский словари (1839 г.), хранящиеся в ПФА РАН¹. Особое место в истории изучения тайных языков принадлежит В. И. Далю. Впервые краткие обобщения по русскому тайноречию делаются им в статье «Об искусственных языках» (1852). В 50-е гг. XIX в. он собирает и редактирует, по поручению Министерства внутренних дел, материалы офенского словаря, опубликованные В. Д. Бондалетовым², включает данные офенского языка и некоторые сведения о тайных языках в «Толковый словарь живого великорусского языка».

В конце XIX в. в Известиях ОРЯС, Сборниках ОРЯС появляются материалы условных языков ремесленников, собранные уже собственно лингвистами (В. И. Чернышевым, П. В. Шейном). Высока ценность упомянутой выше работы И. В. Ягича в аспекте обобщения материалов и установления взаимосвязей не только между словообразовательными средствами восточнославянских арго, но и в аспекте идентичных принципов образования их лексических единиц и семантической общности в случае переносных значений. Не обнаружены до сих пор рукопись В. И. Чернышева «Словарь офенского языка. Введение. Обзор материалов» (218 с.) и картотека «Собрание слов офенского языка по рукописным и печатным материалам» (10583 карточки) (1933), свидетельствующие не только о личном интересе ученого к условным языкам, но и о насущной необходимости научного обобщения собранных ранее материалов.

В XIX в. складывается и собственно лексикографическая традиция описания условных языков. На примере ряда *рукописных*, малоизвестных словарей и словарей, авторство которых проблематично, в исследовании

¹ Материалы рукописей опубликованы: см. № 4 в списке работ автора.

² См. В. Д. Бондалетов «В.И.Даль и тайные языки в России». – М., 2004.

рассматриваются складывающиеся в XIX в. направления развития собственно арготической лексикографии. В первую очередь выделяется направление, включающее создание словарей условно-профессиональных языков. «Словарь условных языков в некоторых местностях губерний Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской, Самарского края и воровского языка петербургских мазуриков», составленный учителем г. Кашина (Тверская губ.) И. Т. Смирновым (1901), хранящийся в Архиве Словарного отдела ИЛИ РАН, сводный «Словарь офенского языка», составленный филологом-любителем, жителем г. Кашина, В. Симаковым (1940), хранящийся в Отделе лингвистического источниковедения Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, и упомянутый выше необнаруженный «Словарь офенского языка» В. И. Чернышева (1933) были составлены фактически по одному кругу источников, что подтверждает возрастающую необходимость в обобщении собранного словарного материала. Реализованной попыткой создания сводного словаря по условным языкам был словарь Е. Р. Романова¹, в котором в форме сопоставительной таблицы представлены данные 13 условных языков.

Другое направление арготической лексикографии представлено словарями воровского языка. Первый анонимный словарь языка петербургских мазуриков был опубликован в 1859 г. в «Северной пчеле» (№ 282). Ряд опубликованных позже словарей (И. Д. Путилина, Вс. Крестовского, С. В. Максимова), а также рукописный словарь «Условного языка петербургских мазуриков, известного под именем «музыки» или «байкового языка», приписываемый в ряде исследований В. И. Далю, обнаруживают существенное сходство в словнике, в дефинициях, в названии, что позволяет поставить под сомнение предполагавшееся авторство. В работе проводится подробный анализ идентичных словарей, включая впервые обнаруженный словарь «Воровское наречие (argot)»², аналогичный по словнику и толкованиям «далевскому», и предлагается версия ведомственного характера их первоисточника. В Приложении 2 дается сводная таблица идентичного материала с сохранением «авторских» определений с целью доказательства сделанных выводов.

В художественной литературе использование лексики условных языков было обусловлено рядом художественных функций. Помимо информативной функции, функции знакомства читателей с «неизвестной» лексикой, в ряде случаев очевидно использование арготизмов в функции социальной характеристики персонажа (первая половина XIX в.), среды, общества (вторая половина XIX в.). Эти функции в языке художественной литературы XIX в.

¹Е. Р. Романов. Опыт словаря условных языков Белоруссии. С параллелями великорусскими, малорусскими и польскими // Белорусский сборник. Вып.9. – Вильна, 1912. 124 с.

²Рукопись хранится в ПФА РАН: Ф. 9. Оп. 4. Ед.хр. 16. Л. 104–106.

определенным образом образуют историческую преемственность. В художественную литературу в значительном количестве попала лексика воровского арго (петербургских мазуриков), в незначительном – лексика нищих (Д. Григорович), офенского языка, хлыстов (А. Мельников-Печерский).

Важным и показательным в истории отражения социальных тенденций оказывается для литературы XIX в. сам факт появления арготизмов на страницах художественных текстов. В ранний период – 30-50-е гг. – арготический материал используется как средство дополнительной социальной характеристики *героя* (А. Пушкин «Капитанская дочка», В. Одоевский «Живой мертвец»). То, что материал является для читателя новым, позволяет говорить о выполнении им информативной функции. При учете неполной достоверности в отражении этого материала, можно предположить, что эти вкрапления выполняют и «коллекционерскую» (декоративную) функцию (Б. А. Ларин).

В 60-е гг. появляется сразу несколько крупных произведений, в которых лексический материал является важнейшей дополнительной характеристикой целых *социальных групп* (В. Крестовский «Петербургские трущобы», А. Мельников-Печерский «В лесах», «На горах», Д. Григорович «Переселенцы», А. Писемский «Масоны»). Можно утверждать, что *целенаправленное* использование арготического материала позволяет решить художественно-реалистические цели автора, а сама лексика или шире – язык, стиль речи – становятся *важнейшей дополнительной идеологической характеристикой* какой-либо *социальной группы*. Обилие достоверных источников у авторов в процессе работы над произведениями позволяет также говорить и об информативной функции: большая часть таких произведений может сейчас считаться источниками по изучению арго и других типов тайных языков.

В значительной части художественных и художественно-публицистических произведений, описывающих жизнь социально-низких слоев общества, с 60-х гг. XIX в. (например, А. Лейкин «Апраксинцы», «Биржевые артельщики», В. Крестовский «Лихачи», Никита Некрасов «Петербургские вертепы и притоны. Рассказы из жизни погибших в волнах житейского моря», Н. Лесков, Н. Свешников «Спиридоны-повороты» и др.), и особенно широко в 90-е гг. (Н. Свешников «Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели» (1899), А. Бахтиаров «Пролетариат и уличные типы Петербурга. Бытовые очерки» (1895), «Босяки. Очерки с натуры» (1903), «Отпетые люди. Очерки из жизни погибших людей» (1903); А. Свирский, «Ростовские трущобы» (1893), «Стрелки», «Записки босяка», А. И. Куприн «Киевские типы» (1895), Г. Н. Брейтман «Преступный мир» (1901), Л. О. Корман (Кармен) «Дикари. Из жизни обитателей одесского порта» (1901), «На дне Одессы» (1904) и др.), можно наблюдать систематическое включение в художественные и художественно-публицистические тексты *арготизмов* и *жаргонизмов* с целью

создания *дополнительной фоновой* характеристики той или иной *социальной сферы*.

В исследовании впервые анализируется литературная традиция, представляющая большой лингвистический интерес: важным источником по изучению воровского арго XIX в. становятся *воспоминания, записки сыщиков* – художественно-мемуарный жанр, продолжающий традиции французской литературы (Видок, Канлер) и сохраняющий на протяжении второй половины XIX в. ряд композиционных особенностей, одной из которой оказывается описание быта и нравов преступников через характеристику их лексикона («Московские тайны. Рассказы сыщика» М. Максимова, «Записки Ивана Дмитриевича Путилина», «Преступный мир. Мои воспоминания об Одессе и Харькове» В. В. Фон-Ланге).

Проанализированные типы письменных источников (этнографические, лингвистические, лексикографические) являются не только свидетельством возросшего в XIX в. научного интереса к русскому тайноречию, но и ввиду значительного зафиксированного лексического материала оказываются непосредственно лингвистическими источниками исследования. Важной ролью же художественной литературы XIX в., как литературы реалистической, было общее знакомство читателей с языками представителей неофициальной России.

В третьей главе **«Социальная и лингвистическая характеристика русского тайноречия XIX в.»** дается общая характеристика собранного материала по социальным и лингвистическим критериям.

Наибольшее количество материалов собрано и упомянуто по условным языкам бродячих торговцев, в том числе офеней, торговцев ряда городов, также торговцев-барышников (прасолов, прахов, кулаков), конских барышников. Значительное число материалов зафиксировано по языкам странствующих нищих, странствующих ремесленников (преимущественно портных, шаповалов). Тайный язык обнаружен у странствующих оркестровых музыкантов на юге России (И. Липаев). Небольшой материал середины века представлен данными языка столичных воров. Достаточно подробно в источниках XIX в. освещены разные типы тайных языков, используемых раскольниками-старообрядцами: офенский, иносказательный, тарабарский (П. И. Мельников). Есть незначительные данные по детским тайным языкам (В. И. Даль, Г. С. Виноградов), элементы которых использовались широко и другими социальными группами, например, говор по «щам» у калужских глинотопов (В. Н. Добровольский). По данным некоторых источников предполагалось наличие тайных языков у ряда других социальных групп и подгрупп (бурлаки, заключенные, карточные шулеры, моряки), однако фактическим материалом эти предположения не подтверждаются.

Обнаруженная лексика данных групп не выходит за рамки профессиональной речи и корпоративного жаргона, так как при ее использовании доминируют коммуникативная, номинативная и эмоционально-экспрессивная функции.

Отличительной особенностью языковой ситуации в России XIX в. в зоне «нелитературного» языка оказывается а) социальная парадигма в целом (например, наличие отсутствующих в современную эпоху социальных групп) и, как следствие, социально-лингвистическая парадигма (наличие особых языковых подсистем, например, офенского языка, арго странствующих ремесленников, нищих и др.), б) ее иерархия (доминирующая роль торговцев; незначительная социальная роль воровского мира и т. д.), и, как следствие, широкое распространение торговых условных языков, незначительная роль воровского арго; в) особые каналы социального и, как следствие, лингвистического взаимодействия (странничество, отхожие промыслы), а также широкое взаимодействие условных языков друг с другом, с другими подсистемами национального языка, обусловленное социальными и территориальными контактами групп.

Все тайные языки по социальному признаку можно разделить на две группы: к первому типу можно отнести лексические системы профессиональных возрастных групп, ко второй – детские тайные языки. Такое разделение обусловлено и функционально: в первом случае из двух важнейших функций тайноречия (социально-символической и игровой) доминирует социально-символическая, во втором – игровая.

Далее очевидно различие, по которому тайные, условные языки разных групп дифференцируются: отличаются языки групп с различными принципами референтных установок (наличие, сохранение традиций, поддержание социального престижа):

- 1) профессионально-мифоритуальной (арго странствующих профессий);
- 2) профессионально-идеологической (воровское арго)
- 3) идеологической («иносказательные языки» старообрядцев), и как следствие, различны социально-символические установки использования языков.

В этой связи социально-символическая функция наиболее существенна только у двух типов арго, референтность групп которых обусловлена сохранением профессионального престижа: отличаются самобытностью арго странствующих профессий и воровское арго.

С точки зрения социальных критериев эти два типа арго можно назвать собственно социальными диалектами, условными языками, тогда как остальные любые социально не мотивированные виды языкового кодирования оказываются «языковой игрой», или собственно тайными языками.

Несмотря на то что лингвистически картина по русским тайным языкам XIX в. достаточно пестрая, основные принципы их структурной лингвистической организации ограничены и могут быть систематизированы и обобщены в *условных терминах*. Очевидно различаются *лексематический* (единицей кодирования является слово) и *синтагматический* (единицей кодирования является синтагма) типы тайноречия. Примером последнего можно считать «говоры» по «херам», по «щам», по «ши-цу» и др., тарабарскую грамоту, используемые преимущественно в детских тайных языках, изредка в ряде возрастных групп.

В лексематическом тайноречии выделяются 2 типа структурных элементов: *номинатический* (условной является форма языкового знака) и *семантический* (условным является содержание языкового знака при сохранении его традиционной для базового языка формы).

Существенным для *номинатического* типа элементов тайноречия оказываются три подтипа: 1) слова с немотивированными основами: преимущественным для ряда русских условных языков является использование корней греческих (*верша́ть* ‘смотреть; понимать’, *гальмо́* ‘молоко’, *мелья́с* ‘мёд’, *хирга́* ‘рука’ и др.), татарских (*баш* ‘грош’, *бирс* ‘рубль’, *биря́ть* ‘давать’, *бусáть* ‘пить’ и др.), финно-угорских (марийских, мордовских, например, *анк* ‘галка’, *ви́да* ‘вода’, *ла́мо* ‘много’ и др.). В ряде случаев очевидно использование оригинальных основ, генезис которых требует дальнейших разысканий¹. Для языка петербургских мазуриков очевидно приоритетными оказываются заимствования из татарского языка, для языка одесских воров – из идиш;

2) слова с мотивированными основами (*ви́слако*, *вислю́к* ‘яблоко’ *вислю́чка* ‘груша’, *висля́к* ‘орех’, *висля́к* ‘огурец’; *вилю́к* ‘заяц’, *мату́ха*, *сыру́ха* ‘земля’; *стуканцы* ‘часы’, *сверкальцы* ‘драгоценные камни’ и др.).

В обоих подтипах используются как системные, так и редкие для русского языка аффиксы, например, *верша́льница* ‘зеркало’, *емелья́сники* ‘пряники’, *епера́с*, *епершу́га* ‘вор’, *епера́сиха*, *епера́сница* ‘воровка’, *нахирёжницы* ‘рукавицы’ и др.;

3) креативные, искусственно созданные слова. Наиболее самобытным для тайных языков оказывается использование специальных аффиксов, затемняющих внутреннюю форму слова, не имеющих словообразовательного значения, что позволило использовать в их отношении условный термин *криптоаффиксы*, или *криптоформанты*. Наиболее частотными для

¹ Подробно аспекты словообразовательных особенностей и генезиса лексики русских аргослов разработаны в трудах В. Д. Бондалетова, см. «Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство» (Рязань, 1980), «Типология и генезис русских аргослов» (Рязань, 1987), «Иноязычные заимствования в русских аргословах» (Куйбышев, 1990), «Тюркские заимствования в русских аргословах» (Самара, 1991), «Финно-угорские заимствования в русских аргословах» (Самара, 1992), а также в большом количестве статей.

большинства условных языков оказываются форманты *ку-*, *ску-*, *ши-*, *шу-*, используемые как криптопрефиксы (прибавление к основе, субституция первого слога), изредка – как интерфиксы. Например, *кузолото*, *кузлото* ‘золото’, *кулото* ‘золото’, *закудерживать* ‘задерживать’. Наибольшее количество такого типа элементов представлено в языке могилёвских, шкловских шаповалов, минских нищих.

В семантическом типе выделяется также три подтипа «условности» значений слов: 1) условно-метафорическое: тем или иным образом мотивируется значение традиционного языкового знака (*наук*, *фараон* ‘будочник’, *вода* ‘полицейский’, *скамейка* ‘лошадь’ и др.);

2) условно-номинативное: система наименований мотивируется идеологией социальной группы, или мотивация не устанавливается (например, *стрёма*, *двадцать шесть*, *шесть* ‘выражение сигнала опасности у воров’ и др.). Ярким примером использования такого типа лексики (в условно-номинативном значении) является «иносказательный» язык старообрядцев. Ср., «Мы купили соль, да сырую, просушили ее на рогожках, да ссыпали в сусек. Теперь не страшно, что рыба протухнет: посолим ее; так и зимою будет не голодно и на базар за съестным хоть не езд, и дома сыт будешь»¹;

3) условно-символическое (символическое значение лексики религиозно-мистических групп выделяем в качестве *проблемного* подтипа). Например, у скопцов *Иерусалим*, *Давыдов дом*, *Святое место* – Собор (место радений); *истинная апостольская церковь*, *тайная вечеря* – собрания скопцов, *Бог*, *Иисус Христос*, *Святой Дух* – пророк скопцов; *апостолы* – братья, помощники пророка; *черные враны* – правительство; *иудеи*, *фарисеи*, *злые люди*, *лютые звери* – православные; *огненное крещение* – оскотление; из оскотленных, по степени близости к *пророку*, выделяются *Херувимы*, *Серафимы*, *Архангелы*, *Ангелы*, *Апостолы*, *Пророки*, *Учители* (В. И. Даль, Н. И. Надеждин, П. И. Мельников).

Ср., например, различие в типе переноса значений в двух следующих случаях: *белые голуби* – самоназвание скопцов (*голубь* – символ чистоты, условно-символическое значение), *белые голуби* у мазуриков – чистое бельё, обычно на чердаке (метафорический перенос по внешнему сходству, условно-метафорическое значение).

Несмотря на то что *тайными языками* мы считаем все коммуникативно направленные способы языковой игры (лексематические, синтагматические),

¹ Перевод: «Мы сманили от Церкви священника, исправили его на Рогожском кладбище и поместили при своей часовне. Теперь не страшно, что души наши погрязнут в грехах без покаяния: есть у кого исповедаться; и старым людям теперь очень хорошо: не надобно уже возить их в село для причащения, можно и дома причастить их». Раскольническая переписка // Православный собеседник. Июнь. 1866. С. 270.

выполняющие социально-символическую и игровую функции, предложенная классификация позволяет обосновать с лингвистической точки зрения проведенную выше их дифференциацию: в *условных языках* используются преимущественно единицы номинатического типа, при функционировании которых не скрывается, а чаще демонстрируется акт социально-символической коммуникации; в *собственно тайных языках* используются преимущественно единицы семантического типа, при употреблении которых чаще скрывается сам акт социально-символической коммуникации.

Особое место в общей социолингвистической картине занимают языковые коды религиозно-мистических и философско-мистических групп, которые не обусловлены исторически, ментально, регионально, экономически. Это особые лексико-семантические, символические языковые «термино-системы», общие для различных этнических культур, имеющие надрегionalные традиции функционирования. Эти коды трудно в строгом смысле считать социальными диалектами, так как они фактически не имеют собственных лексических систем, используя традиционную общеупотребительную лексику, конвергентную тем стилистическим направлениям ее функционирования, к которым ближе социальный статус членов групп: лексика сектантов-мистиков – к библейской, народно-поэтической и песенно-метафорической лексике, лексика масонов – к библейской и собственно литературной, книжной. Сближают такую лексику с тайноречием наличие социально-символической (идентифицирующая, дифференцирующая подфункции, установка на посвященных) и поэтической (игровой) функций, однако все остальные параметры сопоставления проблематичны. Небольшой обзор по лексике религиозно-мистических групп и лексике масонских сочинений приводится в работе ввиду традиционного её отождествления с тайноречием и для постановки проблемы ее статуса.

В четвертой главе «**Основные условные языки в России XIX в.**» дается конкретная характеристика наиболее существенной, лингвистически репрезентативной, зафиксированной в источниках XIX в. части русского тайноречия: собственно условным языкам больших социальных групп, представленных в общей русской социально-лингвистической парадигме, – арго торговцев, ремесленников, нищих, воров.

Описание каждого отдельного языка осуществлялось по следующим параметрам: 1) социальная, социально-территориальная и, при наличии данных, этнографическая характеристика группы, источники фиксации, 2) характеристика данного языка: а) название/самоназвание, б) лингвистические особенности лексической системы (номинатический/семантический тип; немотивированные основы, мотивированные основы, использование

криптоформантов), общий с другими/оригинальный фонд лексической системы; при наличии общего с другими языками фонда – установление тенденций взаимодействия, 3) при наличии двух и более фиксаций одного и того же языка – анализ тенденций его вариативности.

В общей социолингвистической картине России XIX в. языки торговцев занимали значительное место. До определенного этапа в силу социально-экономических причин это была самая крупная и социально-значимая группа, престиж и социальный статус которой способствовали развитию ее собственного языкового кода.

Среди всех торговых условных языков особое место занимал офенский, язык офеней, торговцев-ходебщиков, разносчиков, коробейников, преимущественно Ковровского, Вязниковского уездов и частично Шуйского уездов Владимирской губернии. В работе обобщаются гипотезы происхождения слова «офеня» и генезиса данной социальной группы, даётся подробная характеристика всех собранных материалов языка с 1787 по 1873 гг. (8 словников, 1304 слова), отмечаются тенденции его динамики, выявляется стабильный фонд, общий для всех списков офенского языка (119 слов). Отличительной особенностью данного языка по сравнению с остальными условными языками является наиболее регулярное использование слов с немотивированной основой (преимущественное использование греческих, реже – татарских корней), остальные способы затаения используются незначительно: очень мало лексики с очевидной для носителей языка внутренней формой, незначительно используются криптоформанты.

Офенская лексика доминирует также в арго шуйских, костромских, самарских офеней.

В работе подробно рассматриваются языки торговцев г. Галича (галивонские алеманы, аламанский, ламанский)¹, г. Нерехты (елтонский язык), г. Углича (масовский язык), г. Бежецка (масовский язык), г. Кашина (мазовский язык), г. Калязина (мазовский язык), г. Одоева (масовский язык), г. Торопца (масовский), язык мещан г. Дорогобужа (кубрацкий), язык калужских прасолов (кантюжный). Несмотря на различные количественные составы собранных словников, в целом достаточно однородна их понятийная характеристика: в словарях представлена лексика, называющая преимущественно обиходные предметы, явления, домашних животных, пищу, наименования людей по полу, самые распространенные в крестьянской и мещанской среде профессии, лексика торгового быта. Среди материалов языков торговцев Бежецка, Кашина, Калязина, Галича, Углича представлены лексические системы наименований денежных единиц и единиц веса, являющиеся частью понятийной системы

¹ В скобках приводится самоназвание языка.

именно торговых арго. Наименования бога, икон встречаются только в языках торговцев-ходебщиков и отсутствуют в других торговых языках, подтверждая тот факт, что торговля офеней была связана, в частности, и с торговлей иконами или определенным образом учитывала религиозную сферу жизни в быту. В ряде торговых языков (Углич, Кашин, Дорогобуж) представлена лексика, позволяющая утверждать, что ее носители были «склонны к обману»: например, *абва́гривать* ‘обвешивать’, *абвихто́рить* ‘обвесить’, *абъинéрить* ‘обобрать, обыграть’, *акарну́живать* ‘обманывать’, *акарну́зить* ‘арестовать, отдать под суд’, *инéрить* ‘брать, красть’, *поддермо́нить* ‘поддернуть кверху, стащить, украсть’, *уклима́ть* ‘украсть’ и др.

Общее число зафиксированных различных языков – 14. Сводный словарь торговых языков начитывает чуть более 4000 слов.

Ремесленные арго представлены материалами языков кричевских мещан, нижегородских шаповалов (матрайский, матройский), костромских шерстобитов (жгонский), симбирских швецов, рязанских портных (офенский язык), пензенских шерстобитов (пластинский), калужских портных (6), глинотопов (1), тверских коновалов, черниговских шаповалов, могилёвских дрибинских шаповалов (катрушницкий лемезень), могилёвских шкловских шаповалов (парушницкий лемез), стекольщиков Петрозаводского уезда (биямский язык). Языки ремесленников в целом менее самобытны по сравнению с языками торговцев. Общий сводный словник условных языков ремесленников составляет около 3000 слов. Из них не более 400 слов встречаются в 2 и более ремесленных арго.

Данные ремесленных арго XIX в. профессионально представлены достаточно системно: языками ремесленников, связанных со швейным промыслами (портными, шерстобитами/шаповалами), единично – языками коновалов, глинотопов, стекольщиков. Понятийно словари ремесленников в целом идентичны словарям торговых арго, незначительно отличаясь наличием собственно профессиональных наименований. Наименования для *бога, предметов религиозной сферы*, отсутствовавшие в большинстве торговых языков (кроме собственно офенских), в языках ремесленников представлены шире, особенно в южно-русских и белорусских арго.

Ряд ремесленных арго (симбирских, рязанских портных, ладвинских стекольщиков, тверских коновалов) тесно связан с офенским языком: лексика и корни последнего занимают в них существенную часть (около 1/3).

Особенно следует выделить языки пензенских и костромских шерстобитов, преимущественная часть словарей которых самобытна и генетически связана с мордовским и марийскими языками соответственно, несмотря на наличие лексических связей с другими условными языками.

Калужские ремесленные арго отличаются особенной эклектичностью (связью как с офенской, так и с белорусской традициями), в их самостоятельной части доминируют слова, образованные на базе мотивированных основ. Некоторые немотивированные для русского языка основы обнаруживают генетическую связь с цыганским языком.

Отличаются от русских условных языков ремесленников языки белорусских шаповалов (черниговских, могилевских, шкловских): помимо офенской части они включают большой процент лексики только белорусских и украинских арго. Их особенностью также является то, что оригинальная лексика в них образуется путем широкого системного использования криптоформантов, что в меньшей степени представлено в других арго.

Территориальная обусловленность заимствований (этнический состав населения региона, пограничные контакты) – одна из существенных черт именно ремесленных арго.

Несмотря на большой процент самостоятельной лексики в общем сводном словнике ремесленных арго, оригинальный генезис лексики в ряде из них (цыганский, финский, мордовский, марийский), не обнаружено собственного лексического фонда, который был бы заимствован другими арго: повторяющейся в ремесленных арго оказывается только лексика, употребляющаяся у торговцев («офенская», «угличско-кашинская» традиции) и нищих (белорусских, украинских). Очевиден фактор преимущественно территориального взаимодействия между языками (более всего совпадений по калужским арго, черниговскому/могилевскому/шкловскому). Лексических совпадений *только* среди *ремесленных арго* не обнаружено.

В работе подробно анализируются языки странствующих нищих: рязанских, тульских, брянских, белорусских старцев, минских, могилевских, черниговских (4), гродненских, лаборей (афенский гавридик, гавридик вытерняцкий), харьковских невлей, киевских (подольских) лирников (лебийская, лобурская мова), галицких лирников (жебрацка, лебийска, лепетинска мова).

Сводный словник по языкам русских, белорусских, украинских нищих включает более 4000 единиц. Языки нищих в целом, как и языки торговцев и ремесленников, понятийно охватывают все сферы обиходной, бытовой крестьянской жизни: названия людей, помещений, одежды, домашних животных, пищи, сельскохозяйственных растений и т. п. Некоторым отличием в русской части словника являются наименования, связанные с особенностями их профессиональной деятельностью, с игрой на музыкальных инструментах, исполнением духовных стихов, например, *кугра́*, *кугра́чка* ‘лира’, *пса́лка* ‘духовный стих’, *пса́лить* ‘петь духовные стихи’, *котю́р* ‘поводырь’.

Языки нищих центральной части России (рязанских, тульских) обнаруживают значительную связь с офенским языком. Язык брянских нищих образует в некоторой степени переходную зону между собственно русской арготической традицией и белорусской: обе традиции в нем представлены существенно.

Наиболее многочисленны и представительны данные по языкам белорусских нищих, которые, помимо определенной связи с офенской, имеют собственную лингвистическую традицию: в них используется значительное количество корней греческого генезиса, не употребляющихся в условных языках центральной России, значительное количество собственных слов и корней, а также широко применяются криптоформанты, что в меньшей степени представлено в языках торговцев и ремесленников.

Языки белорусских и украинских нищих отличаются значительной общностью. Арго украинских нищих по целому ряду лексических и этимологических особенностей приближены к языкам белорусских нищих: самобытных, оригинальных регулярных традиций, свойственных только украинским арго, не обнаруживается.

Помимо незначительной части элементов, общих с офенским языком, языки нищих обнаруживают взаимосвязь преимущественно по принципу территориальной близости, отчасти – по принципу профессиональной деятельности (в этой связи очевидно доминирование «белорусской» традиции). Около трети всего фонда является общим для языков нищих (в него же входит и лексика офенского языка), что существенно их отличает, например, от языков ремесленников.

Обращает на себя внимание, что лексика практически каждого условного языка состоит из трех «зон».

1. *Лексика, общая с языком владимирских офеней* или образованная на базе ее корней (именно поэтому, а также вследствие широкой социальной популярности данной социальной группы очевиден вывод об особой роли офенского языка в системе русского и шире – восточнославянского тайноречия; в силу обязательного наличия такой лексики в каждом языке оказывается показательным ее процентное отношение к остальному материалу, т. е. общий объем такого заимствования). По степени наличия офенской лексики в том или ином условном языке можно выделить несколько «уровней» ее влияния:

– 60-80%: языки шуйских офеней, костромских офеней, самарских офеней; калужских прасолов; симбирских, рязанских портных; рязанских, тульских нищих;

– 40-60%: тверские коновалы, брянские нищие;

– 20-40%: торговцы Галича, Нерехты; Углича, Бежецка, Кашина, Калязина; дорогобужские мещане, нижегородские шаповалы, пензенские

шерстобиты, калужские портные, дрибинские шаповалы, ладвинские стекольщики, калужские нищие;

– 10-20%: торговцы Одоева, Торопца; шкловские шаповалы, белорусские нищие, харьковские невли, киевские и галицкие лирники

2. *Лексика, общая с языками других условных языков*, или образованная на базе ее корней.

Помимо ряда несистемных совпадений, кроме офенской, выделяется ещё две традиции: а) «угличско-кашинская», влияние лексики языков торговцев Галича, Нерехты, Углича, Кашина, Калязина, Бежеца на другие языки; б) «белорусская», влияние лексики белорусских арго на другие языки. Лексика белорусских арго имела широкое территориальное распространение: ее элементы в значительном количестве зафиксированы в языках украинских нищих, белорусских нищих, ремесленников, в языках дорогобужских мещан, калужских портных, дрибинских шаповалов, калужских нищих, брянских нищих; в незначительном количестве в языках тульских нищих, ладвинских стекольщиков.

3. *Оригинальная лексика*, не имеющая буквальных совпадений и аналогов в других условных языках.

Принципы номинации в последней группе очень различны, что позволяет делать выводы о специфике того или иного языка. Причем такая специфика оказалась в целом системна, и это позволило гипотетически предполагать различные «уровни» стабильности и, как следствие, организации того или иного языка.

Выделяются языки со следующими системными организациями самобытных элементов.

1. В ряде языков оригинальные элементы представлены преимущественно немотивированными основами (в основном заимствованными), что предполагает их фактическое знание. Данный тип можно разделить (условно) на два подтипа: основы, заимствованные через профессиональные социально-территориальные контакты (например, татарские корни в языках торговцев Углича, Кашина); основы, заимствованные через этнические территориальные контакты (например, финские корни в лексике олонечских стекольщиков, мордовские корни в языке пензенских шерстобитов). К таким арго относятся сам офенский язык, языки торговцев городов Галича, Нерехты, Углича, Бежеца, Кашина, Калязина, Одоева, Торопца, языки нижегородских шерстобитов, костромских шерстобитов, пензенских шерстобитов, в меньшей степени языки калужских портных; ладвинских стекольщиков.

2. В ряде языков оригинальные элементы образованы преимущественно через системное использование криптоформантов, что предполагает системные

принципы создания лексических единиц языка, *знание* этих *принципов*. К таким языкам относятся языки белорусских нищих, дрибинских, шкловских шаповалов, рязанских портных, киевских и галицких лирников, калужских портных (в незначительной степени).

3. В ряде языков оригинальные элементы представлены эклектично: это преимущественно лексика, являющаяся словообразовательными вариантами от уже существующих корней, а также образованная от мотивированных основ или использующая *несистемные* или системные, но нерегулярные способы затаивания внутренней формы слова; использование немотивированных основ также эклектично, что в целом не предполагает знания таких элементов или знания системных принципов их использования, а язык в целом не представляется самостоятельным, так как не устанавливаются, хотя бы в общих чертах, принципы его организации. К таким языкам можно отнести язык симбирских портных, тверских коновалов, черниговских шаповалов, калужских нищих, харьковских невлей.

4. В ряде языков оригинальные элементы минимальны, язык в целом зависим от другого языка. К таким языкам можно отнести аргю костромских, самарских офеней, калужских прасолов: их лексика максимально ориентирована на язык владимирских офеней.

Соотношение а) материалов, общих с другими языками (наиболее устойчивые межарготические связи, принадлежность к доминирующим традициям и т. п.), б) оригинальных материалов (использование мотивированных/немотивированных основ, криптоформантов и т. п.) позволило дать индивидуальную характеристику каждого из условных языков в сравнении с общей системой их лексического фонда XIX в.

К иной социально-лингвистической традиции относятся лексические системы городских нищих. Их лексика приближена к собственно воровской, более того, вероятно, уже на стадии ее жаргонного употребления.

К условным языкам больших социальных групп в XIX в., традиционно считающимися тайными, относились и воровские аргю, которые до 70–90-х гг. XIX в. еще были достаточно замкнутыми лексическими системами, «разгерметизация» которых происходила под влиянием особых социально-экономических и исторических условий: реформа тюремной системы, усиление промышленного роста страны способствовали как росту, так и интеграции воровского мира.

Воровское аргю – особый тип социальных диалектов (В. Д. Бондалетов, М. А. Грачёв), однако по функциям и социальной герметичности в рамках XVIII–XIX вв. его можно рассматривать как условный язык.

В истории русского языка XIX в. явно выделяются две различных традиции воровского аргю.

1. Арго столичных воров, в котором используются как элементы номинатического типа, так и элементы семантического типа кодирования (условно-метафорического, условно-номинативного подтипов). Генезис ряда немотивированных основ определяется первичными историческими контактами воровского мира столиц: условные языки торговцев, цыганские, татарские слова. Например, единицы счета петербургских мазуриков совпадают с данными языка конских барышников (из татарск.): *беш* ‘5 руб’, *дерс* ‘4 рубля’, *жирмабеш* ‘25 руб’, *капчук* ‘100 руб’ (В. Бурнашев). Ср. также: *бабки* ‘деньги’, *весло* ‘ложка’, *веснухи* ‘золотые часы’, *выручка* ‘квартирный надзиратель’, *голуби* ‘бельё’, *касса* ‘театр’, *мякоть* ‘подушка в экипажах’ и др. Предполагаемый расцвет этой традиции, по данным письменных источников, приходится на 40–70-е гг. XIX в.

2. Арго воров южной России (Одессы, Киева, Ростова, Харькова), преимущественно состоящее из элементов номинатического типа первого подтипа: немотивированных основ. Генезис последних практически однозначно возводится к идиш. Например, *бимбер* ‘часы’, *шленгель* ‘платок’, *муссомет* ‘портмоне’, *тувель* ‘бумажник’, *блятопсиха* ‘внутренний замок’, *генгер* ‘замок, висящий на кольцах’, *вильде* ‘магазин’ и др. Начало данной традиции следует датировать не ранее 70-х гг. XIX в., а ее активизацию на более широком социальном фоне – с начала 90-х гг. XIX в.

К данной традиции можно условно отнести и польское воровское арго (К. Estreicher, V. Jagić, A. Kurka, J. Jaworski и др.). Первая фиксация воровского арго в Польше датируется 1778 г., однако его ранний лексический состав близок офенскому словарю и белорусским, украинским арго, что сохраняется как существенная тенденция на протяжении века. Например, *andrus* ‘злодей’, *bnac* ‘идти’ (ср. пнать), *grabie, grabki* ‘пальцы’, *kawruk* ‘пан’, *kima* ‘ночь’, *kimać* ‘спать’, *klawy, klawo* ‘хороший, хорошо’, *kobzac* ‘бить’, *kudłaj* ‘еврей’, *maniata* ‘сорочка’, *somer* ‘хлеб’, *szustra* ‘место’ и др. Наличие в раннем польском воровском арго лексики, общей с русскими, белорусскими, украинскими арго, позволяет выявить очевидное направление первичного заимствования и не позволяет переоценивать его роль в формировании русского воровского арго в дальнейшем: лексика с немецкими корнями в равной степени могла попадать как в польские арго, так и в русские на юго-западных территориях через активное посредничество разговорных форм идиш.

Все более распространяющееся как по «горизонтали», так и по социальной «вертикали» воровское арго через интегративную зону «тюрьмы и каторги» постепенно превращалось в жаргон. Именно на основе последней, южно-русской, традиции с незначительным влиянием предыдущей складывается *блатная музыка* – жаргон криминального, уголовного мира

России. Таким образом, в истории воровского аргó этап «тайноречия» – один из этапов его социально-лингвистического и функционального развития.

В пятой главе «**Аспекты взаимодействия условных языков и общенародного языка в XIX в.**» рассматриваются зоны и механизмы проникновения лексики условных языков в другие подсистемы национального языка и, отчасти, наоборот.

Определенная взаимосвязь между тайными и условными языками и другими формами национального языка постулируется уже достаточно давно, особенно часто отмечалось влияние офенского языка на воровское аргó (В. Трахтенберг, В. Стратен и др.), предполагалось его «растворение в городском просторечии». Ввиду малодоступности *системных лексических данных* по условным языкам XIX в. стали возможны выводы, сделанные по *единичным фактам*, что привело в целом к мифологическому представлению о роли условных языков, чаще всего к ее переоценке, в истории формирования воровского жаргона и впоследствии – «общего жаргона», «интержаргона».

Направления взаимодействия условных языков и других подсистем национального языка были определены в результате анализа каналов социально-лингвистического взаимодействия рассматриваемых социальных групп. Фактическое сопоставление материалов осуществлялось при сравнении всего массива собранных данных русских аргó XIX в. и словарей XIX в., в ряде случаев XX–XXI вв., отражающих лексику сравниваемых социальных групп.

Очевидным оказывается взаимодействие условных языков друг с другом, на что уже не раз обращалось внимание исследователей (В. И. Даль, П. В. Шейн, В. И. Чернышев, И. В. Ягич, Д. С. Лихачев, В. Тонков, В. Стратен, В. Д. Бондалетов, Л. И. Скворцов). В реферируемой работе данная проблема рассматривается только в аспекте фактических лексических контактов между условными языками в период XIX в.

Несмотря на то что большая часть данных по всем условным языкам представлена единичными лексемами, часть фонда позволяет говорить об определенных заимствованиях друг от друга. Чаще всего лексические совпадения образуют систему перекрестных заимствований, не позволяющих установить четкое направление последних. Большая часть «межъязыковых» заимствований представлена лексикой офенского языка, выделяется значительный общий фонд, представленный лексикой торговцев центральной России («угличско-кашинская» традиция), а также белорусских и украинских аргó («белорусская» традиция). Общими для значительного ряда словников условных языков как торговцев, так и ремесленников, нищих оказываются: *бу́сать* ‘пить’, *вери́ать* ‘понимать, знать и пр.’, *гальмо́* ‘молоко’; *де́кан* ‘десять’, *ду́льяс* ‘огонь’, *ёный* ‘один’, *зе́тить* ‘видеть’, *кима́ть* ‘спать’, *клёво*,

клёвый ‘хорошо, хороший’, *комлю́ха* ‘шапка’, *крёсо* ‘мясо’, *ловáк* ‘конь’, *лох* ‘мужик’, *тро́ить* ‘есть’, *хаз* ‘дом’/*хаза* ‘хата, изба’. Указанные слова, встречающиеся в 20 и более словниках, восходят к «офенской» традиции, поэтому ее приоритет по отношению к «угличско-кашинской» и «белорусской» очевиден. Широкая распространённость этих слов в условных языках не обусловила их популяризацию в других зонах национального языка: только некоторые из них вышли за рамки аргю.

Тесная взаимосвязь наблюдается между условными языками и территориальными диалектами, так как функционирование и тех, и других территориально обусловлено. Проблема региональной детерминированности постоянно возникает при изучении жаргонной лексики (В. Тонков, Л. Успенский и др.), и шире – социальных диалектов (Е. Д. Поливанов, Б. А. Серебренников, В. Н. Ярцева и др.). В отношении же условных языков эта проблема встает наиболее остро. Целый ряд особенностей позволяет воспринимать их не только как объект социальной диалектологии, но и как объект диалектологии территориальной, именно поэтому иногда используется в их отношении термин – социально-территориальные диалекты (В. Д. Бондалетов). По *целевым установкам* условные языки в равной степени противопоставлены и территориальным диалектам, и общенародному языку. Но территориальный фактор функционирования и генетические особенности однозначно объединяют их с территориальными диалектами так, что и те, и другие находятся одновременно в системе оппозиции общенародному языку (особенно литературному). Поэтому в аспекте взаимодействия условных языков торговцев, ремесленников, нищих и территориальных диалектов возникает проблема, еще пока не разрешенная: проблема лексикографического разграничения арготизмов и диалектизмов в диалектных словарях, проблема разработки системы критериев их генетического разделения (В. Д. Бондалетов, Н. В. Попова).

Однако в отношении к материалам XIX в. неразрешенность этой проблемы дает позитивные результаты: включение арготизмов в диалектные словари позволяет говорить о достаточно тесной взаимосвязи условных языков и территориальных диалектов, а также выявить её доминирующие направления. При сопоставлении базы данных всех условных языков и диалектных словарей XIX в. можно сделать следующий вывод: генезис некоторой части арготической лексики, большее число лексики территориальных диалектов в условных языках позволяют констатировать доминирующее влияние территориальных диалектов на условные языки, но и в территориальные диалекты *эпизодически* проникают слова территориально близких аргю, не обязательно широко распространенные в самих аргю. Наиболее четкие статистические выводы возникают при сравнении данных условных аргю XIX в.

с данными «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, причем выводы достаточно объективные, так как в этом словаре офенская лексика преимущественно идентифицируется правильно (В. Д. Бондалетов).

В истории изучения русского воровского аргота не раз обращалось внимание на его связь с условными языками торговцев, нищих, ремесленников (В. И. Даль, П. Н. Тиханов, И. А. Бодуен де Куртэнэ, В. Стратен, Д. С. Лихачев, Л. И. Скворцов, В. Д. Бондалетов, М. А. Грачев). Проведенное полное сопоставление данных условных языков с материалами воровского языка столичных воров (XIX в.) и всеми зафиксированными словарными источниками по воровскому и арестантскому арготу начала XX в. до 30-х гг. (В. Бец, Г. Досталь, В. Ф. Трахтенберг, В. Лебедев, Я. Балугев, В. М. Попов, В. Ирецкий, П. Фабричный, С. М. Потапов, М. И. Левитина, Г. Виноградов, Н. Хандзинский, П. С. Богословский, Н. Н. Виноградов, А. В. Миртов, С. Копорский и др.) позволяет сделать вывод о *незначительном* взаимодействии их лексических систем.

По данным (опубликованных и рукописных) словарей на 420 лексем воровского словаря середины XIX в. только около 40 обнаруживают связь с условными языками, причем преимущественно с языками торговцев. Из них 11 слов встречаются как в языке владимирских офеней, так и в языке мазуриков и относятся к незначительному по количеству фонду слов, общих для целого ряда условных языков: *жу́лик* 'ножик', *калы́м* 'барыш, выгода', *клёвый* 'хороший', *косу́ха* 'тысяча', *курёха* 'изба, дом', *лами́шник* 'полтинник', *ле́пень* 'платок', *пропу́лить* 'продать', *са́ры* 'деньги', *стрёма* 'три', *ширма́н* 'карман'. Часть из них в языке мазуриков употребляется в иных вариантах: *калыман*, *ломашник*, *сара*. Слово *звеньеха* 'посуда' встречается у владимирских офеней, тогда как у мазуриков в этом же значении употребляется однокоренное *звенья*. Омонимичными оказываются слова *вершать*, *персяк*, значения которых не совпадают и в последующий период, и *стрёма*, которое в воровском языке зафиксировано в значении 'опасность! берегись!'. Ряд слов воровского словаря соотносится с данными только нескольких условных языков: торговцев г. Кашина, Бежецка (Тверская губ.), Галича, Нерехты (Костромская губ.) Углича: *беш* 'пять, пятак', *жу́рмабеш* 'двадцать пять', *жох* 'мужик', *комлю́ха* 'шапка', *ика́ня* 'копейка', *ма́рка* 'гривна', *не́трить* 'понимать знать', *са́ра* 'деньги', *сна́чить* 'украсть', *хрять* 'идти, бежать', *ке́рый* 'пьяный', *чо́вый* 'хороший', *шкёры* (*шкары*) 'штаны', *экима́рник* 'двугривенный', *яма́н*, *яма́нный* 'плохой'.

Традиционные для условных языков значения слов *у́хлить* 'слушать, понимать', *зе́тить* 'говорить', *мару́ха* 'гривна, десять' в масовском языке торговцев г. Кашина (Тверская губ.) и Нерехты (Костромская губ.) иные и совпадают со значениями с этими словами в языке петербургских воров: 'смотреть, видеть', 'смотреть', 'продажная женщина' соответственно. Особая

взаимосвязь этих языков подтверждается и примерами обратного заимствования. Очевидные воровские арготизмы, например, *пеструхи* 'карты', *шмель* 'кошелёк', *скамейка* 'лошадь', *слам* 'прибыль', фиксируются в конце века в языках торговцев Кашина, Калязина, Углича. Обращает на себя внимание общий, татарский, генезис денежных и счетных единиц воровского языка и языка торговцев г. Кашина, Нерехты, Углича.

В начале XX в. тенденция взаимодействия несколько меняется: в опубликованные словари блатного языка воров, босяков, арестантов, беспризорников попадает еще около 40 ранее не зафиксированных ранее слов, широко распространенных в языках торговцев: *биря́ть* 'давать', *бусать* 'пить', *бусну́ть* 'выпить', *бу́сий* 'пьяный', *гамы́ра* 'водка, вино', *де́кан* 'десять', *ки́мать* 'спать', *ко́сать* 'бить', *лох* 'лицо, человек', *поха́н* 'отец', *стрём* (в значении 'три'), *сума́р* 'хлеб', *хлить* 'идти', *хруст* 'рубль'. При этом наблюдается новая тенденция: названия чисел, денежных единиц, и некоторые слова, зафиксированные в воровском языке первой четверти XX в., оказываются преимущественно офенскими: *во́ндара* 'восемь', *мар* 'гривна', *бря́йка* 'пища', *дюма́рный* 'двугривенный', *ки́сера* 'четыре', *лопухи́* 'сапоги', *лощёнок* 'молоденький', *масо́л* 'солдат', *сизю́м* 'семь', *скес* 'скряга, скупой'. Есть слова, соотносящиеся по-прежнему только с лексикой костромских и тверских торговцев: *бекрю́д* 'алтын', *ди́вер* 'девять', *мази́ха* 'девица', *ма́рочник* 'гривенник', *че́ква* 'четыре'.

При учёте того факта, что большинство словарей первой четверти XX в. представляет чаще всего лексику арестантскую, тюремную, становится очевидным, что средой «распространения» профессиональных арго становилась тюрьма.

Устанавливается незначительная связь между бурсацким жаргоном и всеми рассматриваемыми формами арго. Во-первых, есть некоторая общность в базовых корнях нескольких слов (*извондырь*, *юхта*, *скиляжный*, *скилить*, *скил*). Во-вторых, на основании минимальных лексических соответствий очевидно направление заимствования: бурсацкий жаргон → условные языки торговцев, бурсацкий жаргон → воровской язык, возможно через посредничество простонародного языка.

Взаимодействие лексики условных языков и русского просторечия XIX в. определялось путем ее сравнения с данными словарей XIX в., в которых целенаправленно представлена простонародная речь («Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г., «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Материалы для русского словаря» Я. К. Грота, «Материалы для русского словаря» С. К. Булича; «Материалы для словаря русского языка» Н. В. Гоголя, «Материалы для словаря русского народного

языка» А. Н. Островского, «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России)» В. Долопчева и др.).

Практически не подтверждается влияние условных языков на просторечие XIX в. Единичным примером такого влияния, по данным одной из гипотез его происхождения, можно считать слово *клёво*, широко употребительное в русских аргю и попавшее в Сл1847 с пометой «*Простон.*»: в работе рассматриваются различные интерпретации его генезиса. В большей степени можно говорить о тенденции случайного попадания ряда простонародных лексем в словники условных языков, например, *бахилы, брехать, зипун, калым, киса, лафа, магарыч, манатки, монах 'штоф'* и др.

Взаимосвязь условных аргю и просторечия устанавливается только опосредованно через воровской язык. В разные исторические периоды лексика воровского аргю проникает в просторечие с различной степенью интенсивности: по материалам XIX в. такое проникновение несистемно. Незначительные фиксации лексики условных языков в современном просторечии (сленге) являются наследием традиции проникновения лексики воровского жаргона в просторечие в предшествующие периоды: нет ни одного слова из условных языков, обнаруженных по словникам современных словарей¹, которое бы не было в свое время зафиксировано в словарях воровских языков конца XIX–начала XX вв. Из современных *широко употребительных слов* (жарг., разг.-сниж.) восходят к условным языкам следующие: *бухать (бусать), бухарь, бухой (бусой), голимый (голимный)(?), зетить, кимать (кемарить, кемать), кирять, клёвый, косуха, лавьё, лох, начить (заначить, отначить), пахан, петрить, хаза, хезать, шкеры, шворить (швоить)(?)* и большое количество однокоренных с ними слов. Слово *лабать* фиксируется в языке харьковских невлей, в других языках были употребительны его дериваты: *лабузка 'струна', лабушник 'музыкант', лабушница 'скрипка'*. К данным ранних воровских словарей (до 1870-х гг.) восходят слова *аркан, зенки, липовый, липа, маза, малина, маруха, пришить, трёкать, трёкнуть, фараон*. Большая часть современной просторечной и жаргонной лексики, например, *блат, блатной, клифт, ксива, мент, хавира, шкет* и др., имеет первую фиксацию в словарях начала века и является наследием уже сформированного воровского жаргона начала XX в. Исключение составляет слово *хёзать 'evacuate'*, которое было употребительно

¹ В качестве основных источников современной «наддиалектной» нелитературной лексики широкого распространения (в нашем понимании – просторечия) использованы «Большой словарь русской разговорной речи» В. В. Химика, в который «включается только так называемый общеэтнический лексикон, социализованная лексика и фразеология – известная и понятная большинству носителей русского языка», «Большой словарь современного сленга» В. С. Елистратова ввиду очень широкого понимания границ «аргю / сленга», а также словари современного русского литературного языка (БТС, БАС-3).

в ряде условных языков, в том числе в офенском, но в словарях воровского языка фиксируется только в 1967 г.¹

Таким образом, несмотря на то что тайные и условные языки теоретически являются *герметичными* лексическими системами, они не только генетически зависимы от других языковых подсистем, но могут оказывать и определенное на них влияние, продолжая свою «жизнь» в их модификациях так, что, например, некоторая часть наследия условных языков XIX в. теперь функционирует в системе современного русского просторечия.

Среди механизмов, определяющих взаимодействие условных языков больших социальных групп, можно назвать помимо территориального фактора, *языковую моду*. «Моделью» для подражания в середине XIX в. является высокоорганизованный язык широкораспространенной, но сохраняющей определенную кастовость группы офеней, к концу века более «модными» социальными группами становятся набирающие свою социальную силу воровские корпорации: в торговые и другие условные языки начала XX в. попадает все больше блатных слов.

В «**Заключении**» подводятся основные итоги исследования и обращается внимание на дальнейшие перспективы использования материалов диссертации.

Проведенный анализ собранных данных по тайным и условным языкам России XIX в. позволил дать целостную концепцию тайноречия как наддиалектной формы языковой игры, только часть которой может быть рассмотрена как социальные диалекты (условные языки, арго), и как существенного элемента в языковой ситуации в России XIX в. в зоне «нелитературных» форм устной речи.

Существенным отличием тайных языков от близких групп социальных диалектов (жаргонов, профессионального просторечия) является иерархия выполняемых функций (доминирование социально-символической и игровой), тип социальной группы носителей, существование лексических элементов как парадигмы, их функционирование в синтагмах, в отличие от эпизодического, произвольного функционирования лексических элементов в жаргоне и профессиональной речи, а также принципиальная (в теоретическом плане) непереводаемость на третьи языки.

Тайные языки в России в исследуемый исторический период находились в стадии определенного расцвета, что было обусловлено совокупностью исторических, социально-экономических, этнических факторов и что подтверждается количеством собранных в этот период материалов. Место,

¹ «Словарь воровского жаргона (пособие для оперсостава милиции, УМЗ и следователей МООП)». Рига, 1967.

занимаемое тайными языками в русской языковой культуре XIX в., очень существенно, что отличает языковую ситуацию данного периода от предыдущего и последующего. Широкая фиксация сведений и данных о тайных, условных языках в литературе XIX в. (художественной, этнографической, ведомственной, научной) свидетельствует не только о развитии этнографии и лингвистики в исследуемый период, но и об актуализации данной формы социальных диалектов в языковой культуре XIX в. Практически в каждом жанре письменности XIX в. источники с данными тайных и условных языков образуют ряд самостоятельных жанровых и научных традиций, не формируя, однако, эволюции их изучения.

Несмотря на различные формы языкового кодирования, преимущественный материал условных языков, собранный по источникам XIX в., является структурно близким; системными оказываются и социальные характеристики групп их носителей. Социальный критерий позволил охарактеризовать тайные языки через профессиональный, социальный, идеологический статус их носителей, лингвистические критерии позволили осуществить классификацию основных типов их элементов.

По данным письменных источников XIX в. собраны и проанализированы данные 48 условных языков преимущественно странствующих торговцев, нищих, ремесленников, а также – воровского аргю в двух его существенных для XIX в. традициях – столичной и южно-русской (одесской). Каждый отдельный условный язык (независимо от количества собранных его материалов) представляет определенным образом организованную систему лексических элементов: лексику, общую с офенским языком; лексику, общую с другими условными языками; оригинальную лексику. Системными оказываются механизмы маскировки его единиц: а) заимствование слов, основ, б) активное словообразование на базе мотивированных/немотивированных основ; в) использование криптоформантов и других способов затаивания внутренней формы слова.

Отличительной особенностью языковой ситуации России XIX в. от последующих периодов в исследуемой зоне оказывается количество, состав, социальный статус, иерархия целого ряда социальных групп, у которых фиксируются тайные языки, а также их определенная роль в общей системе национального языка, что подтверждается фактами лексического или корневого заимствования между условными языками и другими подсистемами национального языка: территориальными диалектами, воровским аргю, бурсацким жаргоном, просторечием. Уникальным явлением по лингвистическим характеристикам и по оказанному социальному влиянию на другие формы условных языков, воровское аргю можно считать в России офенский язык.

В отличие от языковой ситуации в некоторых европейских странах в зоне социально-детерминированных форм речи (например, во Франции, в Германии) в русских условных языках на протяжении XIX в. приоритетную роль играли торговые языки, тогда как воровское арго, вероятно пропорционально промышленному росту больших городов, находилось только в стадии формирования: очевидна самостоятельная традиция его возникновения (не на базе профессиональных арго) и возрастающая социально-лингвистическая роль только к концу XIX в. Сам факт популяризации различных форм арго, актуальный в западных странах с XIV–XVI вв., в России приходится на XIX в., несмотря на возможно более раннюю фактическую историю их возникновения. Также нетипичным для русского национального языка оказывается «растворение» лексики профессиональных арго в городском просторечии, что констатируют исследователи европейских условных языков: профессиональные арго в незначительной степени (причем преимущественно торговые) влияли на формирующееся воровское арго, и только из последнего незначительная часть лексики попадала в просторечие. Исследование методически было построено на выявлении конкретных лексических фактов такого взаимодействия и их статистического соотношения с общей системой данных, поэтому выводы, базирующиеся на письменных источниках, достоверны и позволяют уточнить ряд в прошлом гипотетически верных / приблизительных / неверных наблюдений. Собранные по опубликованным, рукописным источникам и публикуемые в приложении словарные материалы могут послужить фактической и документальной базой для дальнейших исследований по *истории* ряда русских социальных диалектов.

«**Приложение**» к работе состоит из 5 разделов: 1) «Русско-офенский словарь» И. И. Срезневского (1839): словарь представлен в виде таблицы, 2) сводные материалы словарей петербургских мазуриков (русско-арготический словарь); 3) лексика условных языков торговцев, ремесленников, нищих (русско-арготические словники)¹, 4) сводный словарь языка петербургских мазуриков XIX в. (арготическо-русский словарь), 5) индекс лексики условных языков торговцев, ремесленников, нищих.

Содержание диссертации, отдельные ее аспекты, проблемы отражены в следующих публикациях автора.

¹ При наличии нескольких источников одного языка его данные даются в сводной таблице.

Монография

1. *Приёмышева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX в. СПб.: Нестор-История, 2009. – 986 с.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК МОиН РФ

2. *Приёмышева М. Н.* Тарабарская грамота // Русская речь. – 2007. – № 4. – С. 106–110.
3. *Приёмышева М. Н.* О. Анищенко. Словарь русского школьного жаргона XIX в. (рец.) // Русская речь. – 2007. – № 6. – С. 113–115.
4. *Приёмышева М. Н.* Срезневский И. И. об офенском языке («Офенско-русский» и «Русско-офенский» словари И. И. Срезневского 1839 г. из собрания ПФА РАН) // Acta linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН. Т.3. Ч.III. – СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 335–361.
5. *Приёмышева М. Н.* Из истории русской лексикографии: о словарях неправильностей русской речи // Русский язык в школе. – 2008. – № 3. – С. 74–78.
6. *Приёмышева М. Н.* Беззаконновахом и неправдовахом... (церковнославянизмы в языковой игре семинаристов XIX в.) // Русский язык в школе. – 2008. – № 7. – С. 71–74.
7. *Приёмышева М. Н.* Слово в контексте развития русской словесности в начале XIX в. (историко-семантический аспект) // Филологические науки. – 2008. – № 5. – С. 43–53.
8. *Приёмышева М. Н.* Опыт структурной классификации тайных языков (на материале тайных языков России XIX века) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Серия Общественные и гуманитарные науки (философия, история, культурология, языкознание, литературоведение, право). – 2008. – N 11(72). – С. 105–112.
9. *Приёмышева М. Н.* Лингвистический аспект эзотерической традиции в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // Acta linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН. Т.IV. Ч.3. – СПб.: Наука, 2008. – С. 254–262.
10. *Приёмышева М. Н.* Из истории русской лексикографии: словари Н. В. Гоголя и А. Н. Островского // Русский язык в школе. – 2009. – № 1. – С. 88–93.

11. *Приёмышева М. Н.* О словарях воровской речи XIX в. (из фондов Петербургского филиала архива РАН) // *Русская речь.* – 2009. – № 1. – С. 84–88.
12. *Приёмышева М. Н.* Из истории употребления слов *арго* и *жаргон* в русском языке // *Русский язык в школе.* – 2009. – № 7. – С. 56–60.

**Статьи, опубликованные в научных журналах, сборниках научных трудов
и материалов научных конференций; тезисы докладов**

13. *Приёмышева М. Н.* Проблема отражения лексики социальных групп в «Словаре русского языка XIX в.» // *Русский язык XIX в.: от века XVIII – к веку XXI: Материалы II Всероссийской научной конференции.* – СПб.: Наука, 2006. – С. 165–172.
14. *Приёмышева М. Н.* К проблеме лексического взаимодействия конспиративных социальных диалектов в России XIX в. // *Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш. Ш. Уалиханова. Серия филологическая.* – 2006. – № 3. – С. 72–78.
15. *Приёмышева М. Н.* Проблема формирования русского словника в современном двуязычном словаре в контексте лексикографической ситуации в России конца XX–начала XXI века // *Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Bd. 13: Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern. Internationale Fachtagung.* = *Русский язык в двуязычных словарях: Материалы международной научной конференции.* – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. – С. 81–101.
16. *Приёмышева М. Н.* Лексико-семантические особенности социолекта сектантов в русском языке XIX в. (на примере лексики хлыстов) // *Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова: Материалы Всероссийской научной конференции.* – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – С. 41–44.
17. *Приёмышева М. Н.* О некоторых аспектах лексического взаимодействия социальных диалектов // *Социальные варианты языка – V. Язык в современных общественных структурах: Материалы международной научной конференции.* – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. – С. 57–61.
18. *Приёмышева М. Н.* Тайные языки и устная народная культура // *Лингвофольклористика на рубеже XX-XXI вв.: итоги и перспективы: Сб. докладов на Международном научном семинаре.* – Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 2007. – С. 196–206.
19. *Приёмышева М. Н.* Тайный язык брянских нищих в социолингвистической картине России XIX в. // *Русское слово и русский*

20. *Приёмышева М. Н.* «Мошеннический диалект» в русском языке XVIII в. // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. научных трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). – СПб.: Наука, 2007. – С. 305–316.
21. *Приёмышева М. Н.* Из истории изучения офенского языка (И. И. Срезневский об офенском языке) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования – 2007. Часть I. – СПб.: Наука, 2007. – С. 197–212.
22. *Приёмышева М. Н.* Церковнославянский язык в русских социальных диалектах XIX в. // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). Вып. 3: Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVI Международной филологической конференции. – СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 77–81.
23. *Приёмышева М. Н.* Тайные языки в истории языковой культуры России XIX в. // Язык и культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию проф. Л. В. Савельевой. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. – С. 56–59.
24. *Приёмышева М. Н.* Исторический аспект лексического взаимодействия социальных диалектов (к проблеме формирования интержаргона в России второй половины XIX в.) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы III Международного конгресса исследователей русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – С. 407–408.
25. *Приёмышева М. Н.* Функциональные особенности тайноречия // Вестник Кокшетауского государственного университета имени Ш. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. – 2008. – № 1-2. – С. 69–72.
26. *Приёмышева М. Н.* К проблеме авторства словаря «Условного языка петербургских мошенников» // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – личность: Материалы IV Всероссийской научной конференции. – Иваново: Изд-во ИвГУ, 2008. – С. 57–70.
27. *Приёмышева М. Н.* Из истории изучения языка петербургских мазуриков // Слово. Словарь. Словесность: Петербургский контекст русистики начала XXI века: Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб.: Сага, 2008. – С. 50–54.
28. *Приёмышева М. Н.* К проблеме эзотерической функции тайноречия // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.10. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. – С. 109–116.

29. *Приёмышева М. Н.* Семантические особенности "терминологической" лексики религиозных групп (на примере лексики хлыстов) // Валихановские чтения – 13: Сб. материалов международной научно-практической конференции. Т.5. – Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш. Уалиханова, 2008. – С. 71–73.
30. *Приёмышева М. Н.* Принцип историзма в социально-диалектологических исследованиях // Наследие академика Ф. И. Буслаева: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 190-летию со дня рождения учёного. – Пенза: Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. – С. 177–180.
31. *Приёмышева М. Н.* Постфольклор и социальная диалектология: точки соприкосновения // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 93–97.
32. *Приёмышева М. Н.* Проблема культуры устной речи в историческом аспекте // Русский язык в современной науке и гуманитарные технологии в образовании: Материалы научно-практической конференции «Герценовские чтения – 2008». – СПб.: Сага, 2008. – С. 73–77.
33. *Приёмышева М. Н.* Арготизмы в языке русской художественной литературы XIX в. // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. трудов. Ч. I. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2008. – С. 173–184.
34. *Приёмышева М. Н.* Аспекты взаимодействия социальных диалектов (условные языки торговцев и воровское арготизмы XIX в.) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2008.– СПб.: Наука, 2008. – С. 439–452.
35. *Приёмышева М. Н.* Лексикографические опыты Н. В. Гоголя // Русский язык XIX в.: эпоха новаций в русской языковой культуре: Тезисы III Всероссийской научной конференции. – СПб.: Лема, 2008. – С. 27.
36. *Приёмышева М. Н.* Лингвистический аспект эзотерической традиции в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // Русский язык XIX в.: эпоха новаций в русской языковой культуре: Тезисы III Всероссийской научной конференции. – СПб.: Лема, 2008. – С. 28–29.
37. *Приёмышева М. Н.* Ещё раз о бесконечной смысловой валентности языкового знака (к проблеме семантики жаргонного слова) // Языковая картина мира. Лексика. Текст: Сб. научных статей, посвященных юбилею профессора Н. Е. Сулименко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – С. 126–130.
38. *Приёмышева М. Н.* Ещё раз о тайных языках России // Наше слово: Сб. статей к 80-летию проф. В. Д. Бондалетова. – М.: Элпис, 2009. – С. 170–174.

39. *Приёмышева М. Н.* Язык масонских сочинений в истории русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. (к постановке проблемы) // Слово. Словарь. Словесность (к 225-летию основания Российской Академии): Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб.: Сага, 2009. – С. 264–269.
40. *Приёмышева М. Н.* Тайные языки и социальные диалекты // Социальные варианты языка – VI: Материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. – С. 265-269.
41. *Приёмышева М. Н.* «Записки» сыщиков как источник по изучению и лексикографическому описанию русского языка XIX в. // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX вв.). Вып. 4: Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVII Международной филологической конференции. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 86–90.

Подписано в печать 26.10.2009.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
197110, Россия, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул., д.7
тел./факс: (812)702-75-78, (812)235-15-86
e-mail: nestor_istoria@list.ru